

П. АНСАР

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Функционалистский и стратегический подход

Приступая к рассмотрению третьего теоретического направления, которое мы выделяем в современной французской социологии, важно подчеркнуть интеллектуальную дистанцию, которая отделяет его от двух теоретических построений, представленных выше. Здесь мы приходим если не к радикальному разрыву, то к тому, что метафорически можно было бы назвать сменой интеллектуального пейзажа.

Необходимо выделить целый ряд «линий разрыва». Обе предыдущие теории, со многими нюансами и уточнениями, разумеется, содержат в своем анализе общую гипотезу о разделении общества на классы и видят в таком общественном измерении одно из объяснений, которое всякий желающий понять современные явления должен всегда держать в уме. Проблематика социальных классов не чужда и этому направлению, однако социальное деление никогда не выступает здесь в качестве определяющего фактора.

Дело в том, что выбор *организаций* в качестве главного предмета социологического исследования скрывает неявное суждение о решающем значении организаций в современном мире. Мы воспользуемся работами Мишеля Крозье и его единомышленников, чтобы проиллюстрировать это теоретическое направление, поскольку в них весьма отчетливо выражен постулат, согласно которому организации (административные, индустриальные), их функционирование и дисфункционирование составляют основополагающие явления современного общества. Поэтому изучение организаций становится не одной из специализаций социологии, а «ключом» к общему пониманию общества и диагностированию происходящих в нем кризисных ситуаций. Мишель Крозье использует в качестве отправного пункта исследование «бюрократического феномена», но, опираясь на это исследование, распространяет свою диагностику на французскую «общественную систему» в целом с тем, чтобы обнаружить в ней все стигматы системы бюрократической организации.

Такое изменение предмета содержит в себе серьезную оппозицию по отношению к обоим предшествующим теоретическим построениям. Генетический структурализм и динамическая социология сходятся в признании того, что структурное разделение на классы выражается в фундаментальных социальных оппозициях и воздействует, прямо или косвенно, на социальную динамику. Социология организаций, так, как она понимается рассматриваемым теоретическим направлением, полностью смещает центры социальной динамики, локализуя их не на уровне социальной структуры и не на уровне общественных производственных отношений и понимании Маркса, а именно в рамках организации, понимаемой как человеческое «творение», предназначенное для отправления множества социальных функций [27, р. 23J.

Этому выбору предмета социологии соответствует теоретический выбор, который превращает функционализм в подход, неизбежный при исследовании организаций. Не

переставая делать различные оговорки по поводу вероятных злоупотреблений функционализмом и его трансформации в социальную философию [28, р. 21], Мишель Крозье не сомневается в том, что среди прочих возможных подходов функционализм является именно тем подходом, который позволяет ставить адекватные вопросы о функционировании организаций. Так, например, вопросы, касающиеся феномена бюрократии, не будут сводиться ни к его истории, ни к неравноправным структурам в рамках организации, но будут связаны с ее внутренним функционированием и дисфункционированием, с отношениями между разными категориями служащих, с позициями различных агентов, с властными отношениями, а также с изолированностью или кооперацией в недрах этих институций, иными словами, со всеми теми вопросами, которые затрагивают функциональные отношения и которые ставятся в рамках функционалистской традиции.

Дистанция, взятая по отношению к генетическому структурализму, становится еще более радикальной в предлагаемых интерпретациях. Особое внимание начинает уделяться взаимным позициям агентов [29], репрезентациям, отношениям внутри организации, рассматриваемым в терминах социальной психологии. М. Крозье далек от того, чтобы рассматривать образ действия как эффект структуры и изучать все социальные последствия с этой точки зрения. Напротив, его исследования приводят к акцентированию поведения агентов в свободном от заданных институциональных условий пространстве как стратегии, рациональность которой необходимо проанализировать.

Таким образом, открывается дискуссия о месте агентов в организации и, что гораздо более фундаментально, о самой концепции актора в социологической теории. Эта полемика выстает под сомнение социализаторскую тенденцию сводить актора лишь к чему-то выражающему и поддерживающему структуру и, в частности, делает своей мишенью предельные формулировки некоторых структуралистов об отстранении или «смерти» субъекта. В исследовании М. Крозье, напротив, повышается роль стратегий акторов и ставится вопрос не только о мотивациях, но и логике актора, чтобы показать, каким образом в зависимости от организационных условий последний выбирает благоприятный для него способ поведения.

Предшественники подобной манеры теоретизирования весьма отличны от тех, кого мы упоминали в связи с двумя первыми теоретическими течениями. Рассматриваемая теория вписана в широкую либеральную традицию, начало которой положено Токвилем в том, что касается сравнительного анализа институций, и Вебером — в том, что касается бюрократии. Вслед за Токвилем М. Крозье подчеркивает значение культурных позиций и систем, вслед за Вебером — размеры и функциональный характер бюрократий. Если же говорить о более непосредственных интеллектуальных связях, то работы Крозье о феномене бюрократии, о работе в организациях, об отношениях между патронатом и профсоюзами, о положении и поведении различных категорий работников и т.д. включены в обширный список исследований об организациях, которые до 1940 г. отмечены идеями Тейдора Файоля, Майо, а после 1945 г. — работами Мертона, Гоулднера, Хоманса и др.

Здесь следует упомянуть о втором теоретическом основании, влияние которого дает о себе знать и в рамках динамической социологии: системный подход. Присущее системному подходу стремление осмыслить прежде всего целостность, а не части, динамические взаимодействия, а не причинно-следственные связи, сложное, а не простое берется на вооружение, как мы увидим дальше, с тем, чтобы вывести исследование на уровень социальной системы. Тем самым обнаруживается метод, сформулированный еще в XIX веке (де Бональд, Сен-Симон, Маркс) и обновленный после 1945 г. (Берталанфи, Барель, Морен).

Системный подход

Понятие «системный подход» и стремление рассматривать социальную организацию как сложное единство взаимосвязанных элементов были представлены с самого начала развития общественной мысли в двух противоположных формах. Консервативным мыслителям (де Бональд), превращавшим социальную систему в неизменный порядок, Сен-Симон и его ученики противопоставили динамическую концепцию, которая делает из истории череду систем (феодальная, затем индустриальная), отделенных друг от друга революционными разрывами.

Амбиция системного подхода, как она была определена Берталанфи, заключается в том, чтобы построить за пределами общественных наук идеальную модель, которую можно было бы обобщить на все сложные совокупности, будь то физические, биологические или человеческие, природные или культурные. Эта концепция, обогащенная достижениями кибернетики и теорий коммуникации, настаивает на необходимости осмыслить всю целокупность (а не разрозненные элементы), изучать динамические интеракции (а не каузальность), воспринимать системы как трансформирующиеся (а не статические) совокупности, фиксировать все моменты сложности (в противоположность аналитической мысли). В таком виде системный подход, особенно в работах Берталанфи, где он находился под сильным влиянием биологической науки, стал применяться в политических науках, с упором на динамику отношений между политикой и социальным окружением (механизмы input/output; действие/обратное действие), вызывая оживленные дискуссии. Кроме того, системный подход был введен в теорию и практику семейной терапии с целью переосмыслить семейные отношения как динамическую совокупность межиндивидуальных взаимодействий.

В социологии системный подход не положил начало научной школе в собственном смысле слова, но его принципы в значительной мере отразились на исследованиях социального развития. В самом деле, системный подход дает интеллектуальные инструменты, позволяющие интегрировать и преодолевать научные результаты структурализма, он заставляет видеть сложность обменных отношений и ограничивающих факторов в рамках организации, рассматривать совокупности как открытые системы, изучать динамические отношения между совокупностью и ее окружением, исследовать процессы принятия решений и изменения.

С другой стороны, неконтролируемое использование системного подхода может привести к функционалистским, если не органицистским, упрощениям и натолкнуться на возражения, направленные против «холистского» видения социального.

Мы находим это обращение к системному анализу после того, как был намечен подход, прослеженный в «Бюрократическом феномене» [28], а затем в работе «Актор и Система» [27].

В самом начале исследования феномена бюрократии формулируется вопрос о дисфункциях, неадаптивности и неадекватности, наблюдаемых в промышленных организациях, и административных органах: отсутствие отношений между различными категориями персонала, властные конфликты, повторяющиеся кризисы... Подобная формулировка лишает основополагающего значения обе традиционные интерпретации — вебериянскую и марксистскую.

М. Крозье предпочитает ставить вопросы, возвращающие общепринятый смысл слову «бюрократия»: «...медлительность, неповоротливость, рутинность, усложнение процедур, плохая приспособляемость... и фрустрации, которые испытывают из-за этого сами бюрократы и их клиенты или подчиненные», вынося тем самым за скобки важнейшую ось вебериянского анализа, где бюрократизация выступает как основной процесс рационализации коллективной деятельности. В работах Крозье речь идет вовсе не о верификации этого тезиса, но, напротив, о том, чтобы эмпирически изучать с помощью клинических мероприятий патологию бюрократических организаций.

Основная гипотеза Маркса о судьбах бюрократий оказывается столь же отстраненной от исследований Крозье, поскольку мечта об обществе без организаций и без властных отношений квалифицируется им как утопическая. Это «отстранение» Маркса не является предметом обширной аргументации, ибо сами гипотезы, выдвигаемые в этих исследованиях, отстранены от модели марксова анализа, согласно которой бюрократическая организация предприятия является в конечном счете лишь следствием подчинения рабочей

силы капиталу. Такая гипотеза никак не связана с работами Крозье о бюрократии, в которых утверждается, что организации внутренне присущи современному обществу, называется ли оно капиталистическим или социалистическим. При этом одной из важных задач исследования Крозье является сравнение моделей бюрократической организации — советской, американской и французской, например: «Успех крупных организаций составляет одну из характеристик, если не важнейшую, современных обществ. Современный человек может действовать лишь посредством и в рамках крупных организаций... Это означает, что развитие теории организаций, позволяющей понять функционирование организации как системы действий и предвидеть ограничения, которые та или иная система налагает на человеческую волю, должно составить одну из приоритетных целей общественных наук и быть привилегированной точкой соприкосновения исследователя и актора» [30].

Опросы, проведенные в двух организациях с помощью многочисленных интервью с различными категориями работников, выявляют четыре существенных характеристики [28, р. 248]:

— «степень развития безличных правил». Эти правила определяют различные функции в мельчайших деталях и предписывают надлежащее поведение в наибольшем числе возможных случаев;

— «централизация решений». Право на принятие решений имеет тенденцию концентрироваться и располагаться на том уровне, где предпочтения естественным образом будут отданы скорее стабильности системы, чем функциональным целям организации;

— «изолированность каждой иерархической категории и давление группы и индивида». Ввиду значительного объема безличных правил и отсутствия возможности принятия решений каждая иерархическая категория становится изолированной от других страт, будь то высшие страты или низшие;

— наконец, «развитие параллельных властных отношений». При том, что источники неопределенности не могут быть устранены каким бы ни было объемом безличных правил, зоны неопределенности продолжают существовать и дают место параллельным отношениям, где получают свое развитие феномены зависимости и конфликтов [30, р. 248—254].

Однако, как уже показали исследователи бюрократий (Мертон, Гоулднер), плохие результаты и фрустрации, порожденные этими характеристиками, имеют тенденцию усиливать бюрократическое давление, которое в свою очередь приводит к усилению централизации и анонимности, явившихся причиной плохих результатов и фрустраций.

Таким образом, возникает порочный круг: «Иначе говоря, система бюрократической организации — это такая организационная система, равновесие которой покоится на существовании целого ряда относительно стабильных порочных кругов, формирующихся в атмосфере анонимности и централизации» [30, р. 255].

Например, невозможность поддерживать удовлетворительные отношения с клиентами не приводит к большей гибкости в социальных отношениях, т.к. руководство не имеет в своем распоряжении в качестве инструментов действия ничего кроме разработки новых распоряжений и, следовательно, усиления централизации. Что касается агентов, которые непосредственно сталкиваются с трудностями, то они пытаются достичь не большей автономии, а использовать эти дисфункции, чтобы улучшить свои позиции относительно общественности И самой организации. Дальнейшие исследования подтверждают диагноз, касающийся засилия этих порочных кругов, присущих бюрократии. Итак, проблема сводится к осознанию этих явлений и построению на их основе теории, имеющей ценность обобщения. Рассматриваемые явления заставляют поставить под сомнение некоторые аспекты функционализма, поскольку, начиная уже с опросов, касающихся как внешних, так и внутренних функциональных отношений, исследование показывает распространенность нарушений функционирования и их «круговую замкнутость».

В работе «Актор и Система» авторы обращают внимание прежде всего на тот факт, что организации не могут рассматриваться ни как абстрактные сущности, ни как квазиестественные и объективные данности. Одна из иллюзий заключается в том, чтобы «натурализовать» организации, в то время как они должны рассматриваться как социальные конструкции [27, р. 13]. Организация, так же как и коллективное действие, осуществляемое в ее рамках, не является естественным феноменом: «Это социальная конструкция, существование которой ставит проблему, поэтому надо объяснить условия возникновения и поддержания этой конструкции» [27, р. 13].

Индивиды, которые содействуют функционированию организации, делают это в условиях, определяемых установленными правилами, но с тем, однако, чтобы добиваться своих интересов согласно стратегиям, соответствующим их представлениям об этих интересах. С помощью концепции *стратегии* Крозье и Фридберг хотят подчеркнуть, что поведение актора в организации — это активное поведение, которое ни- когда не бывает полностью детерминированным, хотя при этом актер не имеет совершенно ясных и постоянных целей. Он может менять свои цели с течением времени и ставить перед собой новые уже в силу тех результатов, которых добивается. Это поведение всегда имеет смысл, не являясь абстрактно рациональным: «...он рационален, с одной стороны, по отношению к выгодным для него возможностям и, через эти возможности, к общей ситуации, которая их определяет, а с другой стороны — по отношению к поведению других акторов, к их реакциям и к тем правилам игры, которые устанавливаются между ними» [30, р. 47].

Эта концепция стратегии позволяет обратить внимание на то, что в процессе деятельности в рамках организации участвующие в ней лица ведут себя как акторы, намечают цели, связанные с представляющимися им возможностями, стремятся к закреплению своих преимуществ и способности действовать. Итак, для того чтобы добиться успехов в исследовании нарушений функционирования организации, следует оставить в стороне идеологию рациональности, которая заставляет приписывать акторам поиск наилучшего выбора в смысле выбора рационального, как если бы это рациональное решение существовало. Напротив, надо переосмыслить конкретную ситуацию в том виде, в каком она воспринимается и осознается актором, переопределить возможности выбора так, как он их воспринимает с тем, чтобы понять его выбор, направленный не на достижение абсолютной рациональности, но на повышение уровня его удовлетворенности. Чтобы уточнить эту ситуацию и критерии удовлетворенности, Крозье и Фридберг подчеркивают важность двух существенных аспектов: постоянное присутствие власти и аффективные параметры выбора.

В этой стратегической перспективе власть в организации не может рассматриваться как собственность, как атрибут акторов, это прежде всего отношение, соединяющее акторов в выполнении общей цели, которая в свою очередь обуславливает личные цели [30, р. 56]. Власть может осуществляться лишь посредством отношений обмена и адаптации и, следовательно, отношений переговоров: «...власть неразрывно связана с переговорами: это отношение обмена, а значит — переговоров, в которое вовлечены по меньшей мере два человека» [30, р. 56—57].

Но если власть — это отношение обмена, то она также является и силовым отношением, где усилия обмена более благоприятны для одной из присутствующих сторон. Это соотношение сил, в котором одна из сторон может добиться больше, чем другая, но ни одна не является полностью обделенной. Это означает, что во властных отношениях возможности действовать составляют существенный аспект и смысл. Каждый из партнеров обладает определенной степенью свободы, которая может изменяться, большей или меньшей возможностью отказать другому в его требовании. В наименьшей мере властью наделен тот, кто неспособен отказаться от того, что от него требуют. Одна из стратегических целей актора состоит в сохранении своей степени свободы, поддержании и расширении своих возможностей действовать и, следовательно, в том, чтобы оставаться хозяином той «зоны неопределенности», которую он контролирует. Эти отношения можно сравнить с игрой, т.е. с совокупностью стратегий, которые осуществляются на основе определенных ресурсов и средств согласно определенным организационным правилам, которые имеют определенные цели, и в рамках которых партнеры могут стремиться к тому, чтобы изменить правила игры в свою пользу.

М. Крозье и Е. Фридберг обращают внимание также на то, в какой мере эти властные отношения, соотношение сил и переговорные отношения, в которых каждый партнер использует свои ресурсы, чтобы превратить другого в инструмент реализации своих целей, с необходимостью включают в себя значительную эмоциональную компоненту. Переживание отношений не может быть вынесено за скобки, оно в сильной степени участвует в развитии отношений.

Функционалистский и стратегический подход позволяет вновь ввести эмоциональное переживание, которым так часто пренебрегают, в модель социологического анализа, и в то же время включить его в метод исследования. Например, становится ясно, насколько аффективный климат в бюрократической организации определяется ее общим функционированием. Можно констатировать, что отношения между низшим персоналом и служащими в целом относятся к душевной сфере и не являются в глазах служащих предметом озабоченности [28, р. 59]. Высший персонал, напротив, является объектом враждебности со стороны служащих даже тогда, когда имеет весьма ограниченные отношения с последними. Однако эта враждебность не лишена связи с оборонительной стратегией служащих: регулярно выражая свое враждебное отношение, они защищают себя от контроля со стороны начальства и пытаются сделать этот контроль более затруднительным, чтобы поддерживать свою независимость. Таким образом можно переосмыслить эмоциональный заряд, сопровождающий переговоры, в ходе которых осуществляются властные отношения. Например, в своих интервью рабочие исследуемой «промышленной монополии» выражают сильную «агрессивность» в отношении начальников цехов: «Их "агрессивность" против цехового начальства может анализироваться как стратегия, направленная на то, чтобы держать его на расстоянии в состоянии слабости с целью предупредить всякую попытку пререканий» [27, р. 52].

Этот аффективный аспект функционирования организаций позволяет также обратить внимание на культурный характер стратегий акторов. В самом деле, цели и ставки, те значения, которые они обретают для различных категорий акторов, не идентичны в разных культурах и субкультурах. В рамках одной культуры повышается роль безопасности и поддержания солидарности внутри определенной категории работников, тогда как в рамках другой культуры высокой ценностью обладает кооперация в пределах всей организации. Это значит, что культурологический подход, выделяющий систему верований и ценностей в конкретном поведении, становится в известной мере полезным для общей теории организаций. Культурологический анализ является с этой точки зрения «...необходимым инструментом, позволяющим обозначить границы универсальной теории и интерпретировать ее применение в различных культурных контекстах» [8, р. 20].

Для того чтобы подчеркнуть дистанцию между этим теоретическим подходом и теми подходами, которые уже представлены (равно как и теми, которые изложены в следующей главе), напомним о полемике в связи с формулировкой рассматриваемых теоретических положений.

Нет необходимости говорить о дистанции между данной моделью, помещающей в центр исследования систему действия, и структурным анализом социальных детерминаций. Вместе с тем, направляя свои усилия, так же как Ж. Баландье и А. Турен, на осмысление изменений и сдвигов, М. Крозье сомневается в том, что динамические теории способствуют созданию такой теории, которую он называет «субстантивной», делающей будущее предсказуемым. Более того, динамические теории отводят основное место «социальным движениям» и в известном смысле движениям глобальной оппозиции, тогда как для Крозье наиболее эффективное действие осуществляется «вместе с системой», а не против нее [27, р. 354—355]. Мы еще вернемся к этим оппозициям.

Следует также обратить внимание и на то, в какой мере стратегический и системный подход противоположен как социологическому интеракционизму, так и социальной феноменологии. Если стратегический подход, понимаемый таким образом, и уделяет столь большое внимание социальной психологии, анализирующей переживаемый акторами опыт, их позиции в трудовом процессе или по отношению к вышестоящим должностным лицам, то это имеет целью интерпретировать данные позиции в рамках логики системы действия и как стратегический ответ на ситуацию, сложившуюся в системе. Поэтому неудивительно, что сторонники

этого подхода подвергают серьезной критике интеракционистские модели за то, что те превращают интеракцию (Мид, Гоффман, Хоманс) в обобщающий элемент, предполагая тем самым, что система является нейтральной и интеракция раскрывает всю совокупность регуляторов системы действия. Однако это допущение, считают они, — «чрезмерная экстраполяция»: «Ни в одной из этих аналитических и интерпретативных моделей поведения собственно социологическая проблема интеграции реально не рассматривается, и хотя размышления о переживаемом опыте бывают подчас весьма выдающимися, они входят в социологическую проблематику лишь с помощью чрезмерной экстраполяции» [30, p. 199].

Феноменологический анализ является объектом той же критики: он вносит определенный вклад в понимание переживаемого опыта, но не может быть экстраполирован именно потому, что отношения и стратегии зависят от места в системе действия. И только системный и стратегический подход позволяет понять всю совокупность образующих определенную иерархию связей и стратегических целей, которые усваиваются актором: «Без системного осмысления стратегический анализ не может пойти дальше феноменологической интерпретации. Без стратегической верификации системный анализ остается спекулятивным, а без стимуляции стратегических исследований он становится детерминистским» [30, p. 203].

Методологический индивидуализм

Для всех вышеизложенных теорий сквозными являются две фундаментальные проблемы, которые постоянно возникают и переосмысливаются, привлекая внимание представителей всех теоретических ориентации: проблема социальной целостности и проблема индивида. От генетического структурализма к системизму проходят размышления о социальной совокупности, рассматриваемой либо в ее детерминированности, либо в ее динамике, либо в ее открытости по отношению к стратегиям агентов и их групп. Используемые концепции (социальная структура, динамизм, система), как мы уже видели, весьма различны, но все они, тем не менее, открывают возможность размышлений о социальной целостности. Одновременно возникает фундаментальная проблема места индивида и индивидов в социальном пространстве. И здесь опять, как показано выше, все три теоретических направления отвечают на нее по-разному; при этом уже сам выбор понятия («агент», а не «актор», например) играет большую роль в расхождениях.

Методологический индивидуализм занимает весьма определенную позицию в этих дебатах, полагая в качестве исходного принципа, что первым объектом наблюдения, референтной единицей социологического анализа должен выступать индивид, и из этого исходного принципа необходимо вывести все социологические следствия. Идея получила широкое развитие и проиллюстрирована в работах Раймона Будона — как эмпирических (Boudon, 1973, 1977, 1984), так и теоретических (Boudon— Bourricaud, 1982; Boudon, 1986). Именно в этих работах мы попытаемся найти общие принципы, присущие этому типу теоретизирования. Как и в случае предшествующих теоретических направлений, нам поможет прояснить ситуацию поиск интеллектуальных предшественников.

В качестве эпиграфа к *Критическому словарю по социологии* авторы приводят высказывание Макса Вебера, проповедующее обращение к «индивидуалистическим» методам в социологии и выносящее приговор «рассуждениям на основе коллективистских концепций»: «...социология... может исходить лишь из действий одного, нескольких или многих отдельных индивидов. Поэтому она должна выбрать для себя методы строго "индивидуалистские"» [31, p. V].

В работах Вильфредо Парето авторы обращают внимание на критические рассуждения об индивидуальных актах и на различие между логическими и нелогическими актами как пример социологического подхода к индивидуальным действиям [32, p. 9—17] и проблемам, которые должны решаться с его помощью. Выбор этих двух авторов и тех тем, которым уделяется особое внимание в их работах, указывает на то, что

центром дискуссии становится осмысление индивидуального действия (индивидуальных действий), и ставит под сомнение структуралистские и обобщающие теории, подозреваемые в «социологизме». Тем самым ставится основополагающий вопрос: является ли центральным объектом социологического исследования тотальность либо система, или же, напротив, в качестве такого объекта выступает поведение множества разрозненных индивидов.

Индивидуализм

Понятие «индивидуализм» является одним из тех нестрогих, полисемантических понятий, различные и даже противоположные значения которых важно уметь различать. По меньшей мере необходимо различать три значения: индивидуализм как социальный факт, как моральная ценность (позитивная или негативная) и, наконец, как логический принцип.

1. Алексис де Токвиль первым проанализировал индивидуализм как характерную черту демократического общества, противопоставляя его формам интеграции, присущим аристократическому обществу. Тем самым он подчеркивал, что в современном обществе индивид несет ответственность за свои решения и свой выбор и больше не зависит, как это было в традиционном обществе, от обязательств перед семьей, кастой и др. Дюркгейм в работе «Разделение общественного труда» развивает положение, согласно которому развитие индивидуализма имеет в качестве необходимого следствия постоянное усложнение разделения труда. В традиционном обществе, где разделение труда развито слабо, различия между индивидами менее выражены, а культура в значительной мере ограничивает независимость. В современном обществе развитие разделения труда сопровождается дифференциацией индивидов в том, что касается их образования, деятельности, мобильности, а это влечет за собой развитие индивидуальной автономии. И в этом смысле индивидуализм есть лишь множество фактов, которые надо констатировать и анализировать.

2. Индивидуализм рассматривается в совсем иной перспективе, когда он становится объектом ценностных суждений, негативных или позитивных. Моралист-традиционалист не преминет посочалеть об ослаблении социальной интеграции и верноподданнических чувств, превращая индивидуализм в объект негативных моральных суждений. Сам Дюркгейм имеет весьма неоднозначную позицию в данном вопросе: он подчеркивает положительный аспект индивидуализма (личная независимость), но выражает обеспокоенность по поводу роста «эгоизма». Вместе с тем целая литературно-философская традиция (Штирнер, Ницше, Жид и др.) представляет индивидуальное самоутверждение как высшую ценность или как оригинальную и плодотворную черту современного общества.

3. Необходимо отличать логическое использование рассматриваемого понятия от двух предшествующих значений. В экономике, как и в социологии, индивидуалистский принцип фиксирует лишь методологическое правило, предлагающее брать за исходный пункт анализа индивидуальные действия и представлять социальные феномены как следствие этих действий. Неудивительно, что этот логический принцип часто ассоциируется с перспективой, благоприятствующей политическому индивидуализму. однако такая ассоциация не дает права смешивать эти два значения индивидуализма.

Такая постановка проблемы требует упоминания о целой серии критических суждений, сформулированных между 1940 и 1970 гг. такими логиками, как Гемпель и Поппер. Поскольку эти суждения относились к историческим наукам в целом, они содержали в себе и элементы критических суждений о социологии. Соответствуя духу Венского кружка (Карнап, Гемпель), новое прочтение Вебера основывалось на объяснении и отбрасывало понимающий метод, рассматриваемый отныне как ненаучный.

Во всех этих дебатах, как, например, в работах Поппера, стремление защитить социальные науки от искушений социальной философии привело к полемике, направленной против всякой иллюзии открыть всеобщие законы истории или найти окончательные объяснения. Таким образом, полемика Поппера направлена против «историцизма», претендующего на открытие «законов», «всеобщих тенденций» исторического развития, на то, чтобы раскрыть внутреннюю необходимость и тем самым предвещать будущее [33]. Эта критика нацелена в особенности на марксизм, но также на всякую эссенциалистскую концепцию объяснения, превращающую ту или иную сущность в экспликативный принцип. Она связана и с полемикой между «холизмом» и индивидуализмом. Оппозиция холизма и индивидуализма, сформулированная различными авторами (Менгер, Боткине), проясняет основы методологического индивидуализма: она радикальным образом противопоставляет всякое объяснение, сделанное на основе принципа или процесса, принимаемого за причину всего частного, и всякое противоположное объяснение, рассматривающее в качестве первичного объекта поведение индивидов. Вот как резюмирует эту оппозицию Боткине: «В целом социологов можно разделить на две основные группы: на тех, кто рассматривает социальные процессы как нечто, развивающееся само по себе, согласно своей собственной природе и своим законам, и вовлекающее в это развитие подчиненных этим законам людей, и на тех, кто рассматривает социальные процессы как нечто, являющееся сложным результатом человеческой деятельности» [34].

Такая критика холистской мысли направлена на всякую концепцию общества, которая превращает его в некую целостность, трансцендентную по отношению к своим частям, воздействует на индивидуальное поведение и диктует индивидам их цели и намерения. Кроме того, она разоблачает на концептуальном уровне использование нечетких понятий («народ», «нация»), которые выступают как трансцендентные по отношению к индивидам и объясняющие их поведение. Нагель предлагает в этой связи четко различать понятия, которые соотносятся с конкретными сущими, и гипостазированные понятия (капитализм, воля народа, общество), т.е. холистские понятия, из которых социологизм делает сущности высшие по отношению к составляющим их агентам. Эта полемика призывает к «переворачиванию» перспективы, она предлагает очистить исследовательское поле от всяких следов эссенциалистской и холистской мысли с тем, чтобы попытаться обнаружить экспликативный принцип на уровне индивидуального поведения. Это и есть общий принцип методологического индивидуализма, обозначенный в ходе дебатов вокруг австрийской школы маржинализма (Карл Менгер), а затем взятый на вооружение во время эпистемологических дебатов в социологии. Однако этот общий принцип не только задает определенное направление критики, но и ставит новые проблемы. Он оставляет в стороне те цели социологического исследования, которые связаны с поиском универсальных законов, составляющих основу для объяснения частного. Он отменяет также идею абсолютной детерминированности индивидуального поведения: К. Поппер предлагает историку переосмыслить любую ситуацию как проблему, которую предстояло разрешить самим агентам. Необходимо увидеть агента стоящим перед лицом разнообразных проблем и решающим их наиболее удовлетворительным для него способом. Таким образом, согласно этому предложению, мы имеем дело с плюрализмом проблем и незаданностью решений. Вместе с тем обнаруживается, что теперь перед социологом встают новые проблемы, связанные с переходом от индивидуалистской точки зрения к социологической, к объяснению «социальных феноменов». Методологический индивидуализм вновь сталкивается с трудностями перехода от индивидуального к коллективному, на которые **обращал** внимание Дюркгейм, трудностями, которые он решал с помощью холистского подхода, считая, что социологические феномены «не проистекают из индивидуального сознания».

В духе именно этих критических рассуждений Р. Будон выдвигает принцип методологического индивидуализма, который может быть выражен в самых общих терминах следующим образом: «...объяснить социальный феномен — это значит представить его как следствие индивидуальных действий» [31, р. 287]. «В целом можно сказать, что мы имеем дело с методологическим индивидуализмом, когда существование феномена Р или отношение между феноменом Р и феноменом Р' недвусмысленно анализируются как следствие логики поведения индивидов, связанных с этим или этими феноменами» [34, р. 286].

Возьмем используемый здесь пример об уровне самоубийств. Согласно Дюркгейму, этот пример показывает, что периоды экономического бума часто сопровождаются повышением уровня самоубийств. Какие объяснения этого феномена можно предложить? Если придерживаться соответствующих положений Дюркгейма, то можно рассматривать этот феномен как подтверждение общей идеи объективистской социологии, идеи, согласно которой самоубийство (акт в высшей степени индивидуальный) определяется «социальными причинами», и предмет социологии в этом случае заключается в том, чтобы показать, что поведение такого рода находится в сфере «социального детерминизма». Задача социологии состоит также в «инвентаризации» всех воздействий социальных структур [32, р. 35].

Однако Дюркгейм предлагает и другой путь, прямо противоположный предыдущему. Он отмечает, что в период сильной экономической экспансии, в атмосфере общего оптимизма, уровень ожиданий индивидов поднимается, и именно в этой атмосфере, насыщенной благоприятными возможностями и надеждами, они в большей степени рискуют разочароваться. Таким образом, Дюркгейм, оставив в стороне свои ясно выраженные принципы, выдвигает индивидуалистское объяснение, представляя наблюдаемый феномен (повышение уровня самоубийств в фазе экономического подъема) как следствие поведения индивидов, связанных с данным явлением. Принцип методологического индивидуализма заключается именно в этом: представить наблюдаемый феномен как следствие поведения индивидов. Привилегированный предмет методологического индивидуализма — изучение индивидуального поведения в рамках данной социальной системы. В этом случае возникает вопрос о том, каким образом может осуществляться переход от индивидуального поведения, от добровольного (или недобровольного) решения к коллективным «результатам», если не предполагать (как это делал Дюркгейм), что все социальное имеет иную природу, отличную от поведения индивидов и их взаимодействий.

Проблема решается при условии непрерывной связи между индивидуальным и коллективным, например, между индивидуальными интересами и коллективным действием. Р. Будон обращает внимание на значение исследований М. Ольсон, показывающих, что совпадение интересов вовсе не достаточно для совершения коллективного действия [35]. Даже в том случае, когда имеет место осознание общего интереса, может случиться, что связанные с этим интересом индивиды не совершат коллективного действия либо из-за высоких «издержек» участия в этом действии и ничтожной эффективности персонального участия, либо из-за того, что выгода, которую получает индивид от коллективного действия, не зависит от его участия. Таким образом, может сложиться ситуация, когда индивиды имеют возможность и желание осуществить коллективную цель и в то же время остаются безучастными [32, р. 223]. Логика членов той или иной латентной группы не приводит с необходимостью к логике коллективного действия. Таким образом, проблема, которую ставит методологический индивидуализм, является прежде всего проблемой соединения, агрегирования индивидуальных интересов и способов поведения; при этом не предполагается, что социальное представляет собой нечто отличное от системы результатов индивидуальных взаимодействий.

Эти принципы приводят социолога к анализу индивидуальных действий, их агрегирования, к анализу «эмерджентностей», как можно увидеть в исследованиях функциональных систем, систем взаимозависимостей, а также в исследованиях социальных изменений.

В исследованиях функциональных систем (бюрократия, социальный институт) основополагающее значение получает понятие «роли»; при этом функциональная система может рассматриваться как система интеракций, в которой акторы связаны определенными ролями. От того, каким образом понимаются эти роли, зависят весьма различные интерпретации функциональной системы.

В рамках сугубо функционалистской интерпретации роли понимаются как нечто, целиком определяемое системой и навязанное индивиду. Согласно этой концепции функциональные требования налагаются на каждого индивида в виде ограничений, оставляя ему лишь урезанную автономию.

Методологический индивидуализм, напротив, ставит вопрос о реальном поведении акторов, рассматривая роли не как ограничительные нормы, но как возможности, предоставленные акторам. Подчеркивается, что на самом деле роли не являются столь жестко заданными, как это выглядит в свете функционалистского подхода: нормы часто противоречат друг другу и, более того, каждый актер играет многоисленные социальные роли. В результате актору гарантировано стратегическое «измерение» его деятельности и обеспечена известная степень автономии. Задачей методологического индивидуализма является поэтому не регистрация навязываемых ролей, а изучение того, как акторы обретают те или иные роли, выбирают между «субролями», которые им предлагаются, и к каким результатам общего порядка это приводит [32, ch. III].

Этот же подход применяется и к системам интеракции (которые Р. Будон предлагает называть «системами взаимозависимости»), в рамках которых протагонисты никак не связаны со своими ролями, но при этом зависят друг от друга (зрители в ожидании у двери кинотеатра, например). Вместо того чтобы описывать функционирование или дисфункционирование подобной системы, индивидуалистский подход предлагает исследовать, как формируются поведение, ожидания, запросы «акторов» (а не «агентов»). С этой точки зрения возможны различные варианты: так, например, индивидуальные изменения либо «нейтрализуются» на коллективном уровне, либо ведут к вырождению или сегрегации [32, ch. IV].

Здесь надо обратить внимание на два обстоятельства: на феномены эмерджентности и извращенных эффектов. Как подчеркивал М. Вебер, сложность социальных отношений многократно увеличивает непредвиденные явления или даже явления, противоположные намерениям агентов. Индивидуалистский подход, внимательно отслеживая все результаты индивидуального поведения и ориентаций, позволяет четко обозначить пространство феноменов эмерджентности, т.е. таких эффектов (результатов, к которым никто из агентов не стремился и которые возникли из соединения их способов поведения. «Эффект агрегирования или эмерджентный эффект является таким эффектом, к которому агенты системы открыто не стремились и который представляет собой результат ситуации их взаимозависимости» [32, p. 119].

Классический пример слухов в финансовом деле прекрасно иллюстрирует феномен эмерджентности. Распространяются слухи о возможной неплатежеспособности банка — каждый клиент приходит забрать свои вклады — вследствие соединения индивидуальных действий данный банк действительно оказывается в состоянии неплатежеспособности. Но этот пример соизидательного пророчества (Мертон) является лишь одним простым примером среди самых разнообразных явлений. Сформулированный Марксом закон тенденции нормы прибыли к понижению приводится здесь для того чтобы подчеркнуть, насколько богата социологическая традиция, раскрывающая эмерджентные эффекты. В самом деле, согласно «Капиталу», каждый капиталист заинтересован в увеличении производительности труда и возрастании своего капитала. Но, стремясь к этому, он способствует понижению средней нормы прибыли, поскольку прибыль, по Марксу, зависит от соотношения постоянного и переменного капитала. В долгосрочной перспективе повышение удельного веса постоянного капитала неизбежно приводит к снижению нормы прибыли. Этот закон «наглядно иллюстрирует тот случай, когда агенты находятся в системе взаимозависимости, чья структура

такова, что они вынуждены способствовать появлению результата, к которому они, конечно же, не стремились» [32, p. 123].

Можно привести разные примеры подобных эффектов — нежелаемых, но неожиданно проявившихся: непредусмотренные результаты административных реформ, экономические последствия борьбы профсоюзов и т.д. Извращенный эффект представляет собой не что иное, как один из видов эмерджентности. Р. Будон определяет его в следующих терминах: «...можно говорить об извращенном эффекте тогда, когда два индивида (или более), пытаясь достичь определенной цели, порождают тем самым такое положение вещей, к которому не стремились и которое может быть нежелаемым с точки зрения либо обоих индивидов, либо одного из них» [36].

Здесь также можно привести многочисленные примеры, имеющие различную степень обобщения исторических, социальных или экономических явлений: в социальной жизни эти перверсивные эффекты являются в некотором роде «вездесущими». Феномены эмерджентности и извращенные эффекты определяют основополагающие элементы исследований социальных сдвигов и являются иллюстрацией того, что может дать этим исследованиям индивидуалистский подход. Действительно, вместо того чтобы связывать социальные изменения с конфликтами или с общей динамикой системы, методологический индивидуализм предлагает раскрыть сложные процессы изменений на основе наиболее элементарных действий. Для социолога, «исповедующего» методологический индивидуализм, «...социальное изменение, даже на макросоциологическом уровне, становится понятным лишь в том случае, когда анализ доходит до наиболее элементарных социальных агентов или акторов, составляющих систему взаимозависимости, которая его интересует» [32, p. 162].

Такие процессы, как повторяемость, воспроизводство, процессы, которые люди, планирующие развитие, склонны приписывать «сопротивлению» крестьянского менталитета, предстают в ином свете, когда рассматривается реальная ситуация, в рамках которой крестьяне не обнаруживают своих непосредственных интересов в условиях, предлагаемых планами развития [32, ch. V]. К тому же надо проявлять осторожность (как это делали Конт или Маркс) по отношению к теориям развития, которые постулируют непрерывный, кумулятивный процесс развития. Можно констатировать противоположное, например, такое развитие соотношения сил в системе взаимозависимости, которое вызывает прекращение этого развития. Колебательные процессы могут иметь место точно так же, как и процессы трансформации, вызванные экзогенными или эндогенными причинами.

Что касается социологических методов, привилегированных социологическим индивидуализмом, Р. Будон подчеркивает, что ни один метод не должен ставиться в исключительное положение. Всякий набор количественных и качественных методов может быть взят на вооружение в зависимости от того, каковы преобладающие характеристики явлений, находящихся в центре исследований — количественные или качественные. Вместе с тем, поскольку в исходную точку своих наблюдений методологический индивидуализм помещает прежде всего индивидуальное поведение (единицей этих наблюдений является индивид), постольку он (методологический индивидуализм) склонен придавать большее значение количественным методам. Ведь если в качестве единиц наблюдения берутся поддающиеся регистрации способы поведения, четкие ответы на вопросы анкеты или, например, конкретные действия во время избирательной кампании, то возникают вопросы, относящиеся к математическим процедурам, таким как определение показателей и переменных, изучение отношений между переменными, выявление причинно-следственных связей [37].

В завершение этого раздела, посвященного интерпретации предмета социологии с точки зрения методологического индивидуализма, мы хотели бы показать, насколько он противоположен теоретическим построениям генетического структурализма, динамической социологии и системно-стратегического подхода. Полезно было бы также уточнить его отношения с интеракционизмом.

Существенная эпистемологическая дистанция между методологическим индивидуализмом и генетическим структурализмом проявляется уже на самом фундаментальном уровне. В самом деле, генетический структурализм изучает социальные структуры и их разнообразные воздействия на индивидуальное поведение, пытается установить те силовые и смысловые отношения, которые характеризуют то или иное социальное образование. И эта фундаментальная установка не может оставить без упоминания общие ориентации исследователей социальных «противоречий».

Следуя индивидуалистскому принципу, согласно которому социологический анализ должен рассматривать в качестве первоначального объекта лишь поведение индивидов, чья логика порождает наблюдаемые взаимосвязи, методологический индивидуализм полностью переворачивает последовательность доказательств на основе переворачивания базовых предпосылок. Исходя из этого принципа, те же самые понятия (классы, социальная структура, система...) имеют уже иное значение. Хорошей иллюстрацией к этой радикальной оппозиции служат дискуссии о «неравенстве шансов получения образования» и критика идей Бурдьё и Пассерона, выдвинутых в работе «Воспроизведение».

Эмпирические данные, отражающие это неравенство, например, тот факт, что возможность поступления в университет для ребенка из рабочей семьи гораздо меньше, чем для сына или дочери ответственного работника, не являются объектом дискуссии, а составляют исходный пункт. Проблема заключается в объяснении этого феномена [38].

Не входя в детали дискуссий, подчеркнем только, что именно способ построения

объекта радикально противостоит здесь структуралистской установке. В самом деле, методологический индивидуализм, предлагающий изучать индивидуальное поведение и индивидуальные действия, выделяет в качестве предмета исследования выбор индивидов, имеющих отношение к данной ситуации. В своем исследовании методологический индивидуализм основывается не на существовании детерминированных связей между социальными структурами и индивидуальным поведением, а рассматривает карьеру того или иного студента как последовательность выборов и решений и предлагает изучать их частоту и распределение. Если кратко резюмировать интерпретацию, объясняющую, с точки зрения методологического индивидуализма, неравенство шансов получения образования, то можно отметить, что при прочих равных условиях представитель низших социальных классов:

«В среднем ниже оценивает образование как средство достижения успеха...»;

«В среднем имеет определенные когнитивные препятствия по отношению к другим классам...»;

«В среднем имеет тенденцию недооценивать выгоду от инвестиций в образование...» и «Переоценивать риск таких инвестиций» [32, p. 250].

Логика принятия этих индивидуальных решений позволяет понять и объяснить обобщенные тренды статистических связей между социальным происхождением и получением высшего образования в соответствии с правилом методологического индивидуализма брать в качестве исходного пункта индивидуальные действия.

По отношению к динамической социологии полемика имеет менее радикальный характер, поскольку предметы исследования могут быть общими (социальные изменения, процессы трансформаций), равно как и отдельные наблюдения. Тем не менее оппозиция между двумя исходными пунктами — наблюдение за

индивидуальным поведением, с одной стороны, и анализ социальной динамики и социальных движений, с другой, — приводит к тому, что эти две исследовательские ориентации существенно расходятся. Кроме того, как показано ниже, методологический индивидуализм не склонен придавать особо важное значение резким изменениям в социальном становлении, тогда как анализ социальной динамики, напротив, относится к ним с большим вниманием.

Что касается стратегического подхода, то его связи с методологическим индивидуализмом весьма тесны, и беглое прочтение может оставить впечатление, что различия связаны скорее с полями наблюдений, чем с теоретическими расхождениями.

Как и стратегический подход, методологический индивидуализм считает эпистемологическим императивом вновь обратиться к актору и настаивает на необходимости переосмыслить выбор и стратегии индивидов. Однако продолжение такого параллелизма означает глубокое непонимание смысла и значения каждого из этих подходов. Стратегический и системный подход, как он представлен М. Крозье и его единомышленниками, усматривает свой предмет в существующих организациях и изучает прежде всего функционирование и дисфункционирование промышленных предприятий или управленческих структур. При этом функционализм рассматривается в качестве необходимого переходного этапа, если только это теоретическое направление, пусть даже недостаточное, помогает осмыслить единство и функционирование исследуемой организации. Точно так же и система действий рассматривается как конкретная система, в рамках которой происходят конфликты и дисфункции, подлежащие исследованию. Таким образом, проблемы, которые являются ключевыми для сторонников методологического индивидуализма (агрегирование способов индивидуального поведения, эмерджентность), не представляют собой главной проблемы для сторонников системного подхода, поскольку в рамках этого подхода предметом изучения являются организации, системы, открытые для различных стратегий, но соержащие ограничения для их агентов.

Наконец, было бы полезно уточнить сходства и различия между интеракционизмом и методологическим индивидуализмом в том его виде, в котором он здесь представлен. Связь между ними также является настолько тесной, что можно поддаться соблазну выделить прежде всего общие цели этих двух теоретических построений. Можно сказать, что обе теории подчеркивают необходимость изучать поведение акторов и видят свой предмет в «системе взаимодействий». Однако слова здесь обманчивы, и такая теоретическая близость является более ограниченной, чем может показаться. В самом деле, любое взаимодействие, происходит ли оно между двумя агентами или многими, является ли оно символическим или нет, не имеет для методологического индивидуализма никакой эпистемологической привилегии. Иными словами, оно не фокусирует в себе общие черты социального [39]. Исходный пункт методологического индивидуализма не является первым шагом в определении структур, идентичных или хотя бы сопоставимых, присущих различным по своей сложности уровням. Напротив, внимание, уделяемое эмерджентностям и искаженным эффектам, служит подготовительным этапом для определения разрывов, смысловых инверсий как разочарований акторов.

В настоящем разделе мы наметили в общих чертах позиции четырех выделенных нами теоретических направлений по отношению к основной проблеме: определение предмета социологии. Если выразить эти позиции в нескольких словах, то они сводятся к четырем весьма упрощенным формулировкам:

детерминирующие структуры;

1) типы социальной динамики;

2) организационные системы;

3) способы индивидуального поведения и их агрегирование.

Теперь нам важно показать теоретические результаты каждой из этих позиций и продемонстрировать, насколько выбор той или иной позиции соответствует четырем моделям социальной действительности. Для этого мы должны сопоставить различные решения нескольких наиболее общих социологических проблем: исследование конфликтов и символических систем.

Перевод с французского О.Ю. ЯРЦЕВОЙ

Продолжение следует

ЛИТЕРАТУРА

27. *Crazier M., Friedberg E.* L'Acteur et le Systeme; les contraintes de Faction collective, Paris: Ed. du Seuil, 1977.
28. *Crazier M.* Le Phenomene bureaucratique. Paris: Ed. du Seuil, 1963.
29. *Crazier M.* Les Attitudes des cadres a l'egard du gouvernement de rentreprise. Centre de recherche.s et d'etudes des chefs d'entreprises, 1972.
30. Предисловие к: *March, Simon.* Les Organisations. Op. cit. P. V.
31. *Boudon R., Baurricaud F.* Dictionnaire critique de la sociologie. Paris: PUF, 1982.
32. *Baudan R.* La Logique du social: introduction a l'analyse sociologique, Paris: Hachette. 1979.
33. *Popper K.* Misere de l'historicisme. Paris: Plon, 1955.
34. *O'Neil.* Modes of Individualism and Collectivism. Londre: HEB, 1973. P. 336.
35. *Olson M.* The Logic of Collective Action (1965): trad, franc.: La Logique de l'acton collective: PUF. 1978.
36. *Boudon R.* Effets pervers et Ordre Social. Paris: PUF, 1977. P. 20.
37. *Boudon R.* L'Analyse mathematique de faits sociaux. Paris: Plon, 1967; *Boudon R., Lazarsfeld P.* (choix de textes sous la dir.). L'Analyse empirique de la causalite. Paris: Mouton, 1966.
38. *Baudan R.* L'Inegalite des chances. Paris: A. Colin, 1973.
39. *Padiolcau J.G.* L'Ordre social, principes d'analyse sociologique. Paris: L'Harmattant. 1986